

Сигал Кирилл Яковлевич

К СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИМ ИСТОКАМ ПРОТИВИТЕЛЬНОГО СОЮЗА "ЗАТО"

В статье рассматриваются семантико-стилистические свойства русского противительного союза "зато" в их ретроспективе. На материале басен И. А. Крылова показан узус этого союза в первой трети XIX в., в частности обнаружен характерный для его употребления формально-грамматический и семантический синкретизм, отражающий процесс становления союза "зато".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 144-146. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**MORBIAL METAPHOR OF POLITICAL CRISIS IN THE UKRAINE
IN MASS MEDIA DISCOURSES OF RUSSIA AND THE USA**

Salatova Lyudmila Maratovna, Ph. D. in Philology
Surmeneva Yuliya Vasil'evna

*Military Training and Research Center of the Air Force "Air Force Academy" (Branch) in Chelyabinsk
erica6384@yandex.ru*

The article analyzes examples of morbid metaphor, dedicated to the crisis in the Ukraine in 2014-2016. Morbid metaphor is considered as the basis of human cognition of the surrounding world. In addition, the paper gives the structural analysis of frames in which the Ukraine appears as a patient who is being treated and assisted. The frame-slot structure of morbid metaphor represents the current crisis events in the Ukraine presented in the media space of the United States and Russia.

Key words and phrases: metaphor; morbid metaphor; crisis metaphor; source sphere; media discourse; frame; slot.

УДК 81'23

В статье рассматриваются семантико-стилистические свойства русского противительного союза «зато» в их ретроспективе. На материале басен И. А. Крылова показан узус этого союза в первой трети XIX в., в частности обнаружен характерный для его употребления формально-грамматический и семантический синкретизм, отражающий процесс становления союза «зато».

Ключевые слова и фразы: противительный союз; семантика возмездности (или компенсации); синкретизм; орфография; стилистический синтаксис; басни И. А. Крылова.

Сигал Кирилл Яковлевич, д. филол. н.

*Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва
kjsseagal@yandex.ru*

К СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИМ ИСТОКАМ ПРОТИВИТЕЛЬНОГО СОЮЗА «ЗАТО»

Национальный корпус русского языка свидетельствует о том, что противительный союз *зато* возник в последней трети XVIII в., активно употреблялся на протяжении XIX-XX вв., в начале же XXI в. наблюдается наиболее резкий и небывалый скачок в его употреблении [7]. Э. Лассан объясняет этот факт тем, что в русском мироощущении якобы возникла особая потребность в дискурсах самооправдания и самоуспокоения. При этом «человеческая психика, с необходимостью нуждающаяся в механизме компенсации, при проговаривании... травматических возбуждений прибегает к столь неприятной части речи, как союз *зато*» [4, с. 170-171].

Для лингвиста этот факт важен и существен, однако с иной точки зрения: ведь если слово *зато* приобрело высокую частотность как маркер возмездности (или компенсации), осуществляющий связь синтаксически равноправных компонентов разной природы – от членов предложения до сложных синтаксических целых, то это слово, генетически являющееся связочным предложно-местоименным сочетанием со значением причинного обоснования, окончательно превратилось в противительный союз, выполняющий только одну из семантических функций в сфере противительности. Став оперативным знаком, обозначающим поворот от отрицательного, нежелательного, менее престижного к положительному, желательному, более престижному, противительный союз *зато* оказался подготовленным к выдвиганию на первый план в общественном сознании таких мотивов и установок, которые актуализируют в дискурсивных практиках возмездную связь речевых актов, предикаций, предикативных/непредикативных признаков. Противительный союз *зато*, ставший респектабельным маркером возмездности почти на наших глазах, весьма интересен тем, что он позволяет понять, как он приобрел функцию сочинительного союза, как он развил в себе противительно-возмездную семантику, наконец, как он получил свою стилистико-синтаксическую специализацию.

Ретроспективный взгляд на противительный союз *зато* вполне осуществим на материале басен И. А. Крылова, где запечатлен узус этого союза в первой трети XIX в., когда генетические связи противительного союза *зато* еще были актуальны и отражались в синкретизме грамматической функции, семантики, в нестабильности орфографического облика, а также когда художники слова лишь начинали осознавать стилистические возможности этого союза. Обращение именно к этому материалу вызвано тем, что И. А. Крылов, с одной стороны, чаще, чем обычно, употребляет слово *зато*, считавшееся малочастотным, а с другой стороны, как заметил П.-Э. Лемонте, «искусно извлекает из наречия простонародного самые, так сказать, удобные и неожиданные выражения, которые сами собою пробуждают множество понятий, чувствований и воспоминаний, любезных русским» [5, с. 244] (ср. в связи с этим работу Э. Лассана «Союз “зато” как средство реализации психологической компенсации в русском языке» [4], где, по сути дела, те же обстоятельства ставятся во главу угла).

Противительный союз *зато* используется в баснях И. А. Крылова для связи однородных членов предложения не часто. Ср.: «Они немножечко дерут; / Зато уж в рот хмельного не берут» («Музыканты») [3, с. 17], где союз *зато* способствует выражению противительно-возмездных отношений между однородными сказуемыми. Преобладающая сфера его действия – позиция маркера связи в сложносочиненных предложениях

и в особенности маркера межфразовой связи. Подобная симптоматическая статистика указывает на то, что противительный союз *зато* приобрел свою союзную функцию, обслуживая нужды связи в полипредикативных и еще в большей мере – в текстовых структурах.

Предложно-местоименное сочетание *за то* располагалось обычно в начале последующей предикации, занимая в ней позицию причинного детерминанта, и создавало анафорическую связь с предшествующей предикацией. Предложно-местоименное сочетание *за то*, обозначая причинное обоснование, благодаря своей начальной позиции, анафорической связи с целой предикацией и тематизации ее с целью информативно-смыслового обогащения приобрело четкий присоединительный оттенок значения. Вследствие этого истоки противительного союза *зато* вряд ли правомерно искать в сложном гипотаксисе, поскольку корреляты в связочном комплексе *за то*, что принципиально исключает присоединение. Преобразование предложно-местоименного сочетания *за то* в союз *зато* было связано с деактуализацией анафорической связи и потерей функции детерминанта, а также с устранением отношений обусловленности между предикациями и осмыслением их в едином синтаксическом плане. Неслучайно еще младограмматики считали, что преобразование в союзы «всегда является следствием какого-то сдвига в членении предложения» [8, с. 436]. Однако подобное преобразование не происходит самопроизвольно: оно «запускается», потому что совсем иначе начинает осознаться семантика того или иного прецедента связи.

Если в середине XX в. у союза *зато* наряду с семантикой возмездительного противопоставления еще отмечалась причинно-следственная семантика [11, с. 990], то в конце XX в. союз *зато* предстает сугубо как маркер компенсации [12, с. 128]. По замечанию В. З. Санникова, «союзу *зато* не свойственно выражать причинно-следственные отношения» [9, с. 294]. Приведем пример из басни И. А. Крылова «Обезьяна»: «Мужик работник был прямой. / *Зато*, кто мимо не проходит, / От всех ему: спасибо, исполать!» [3, с. 69], – он предполагает, что, «возможно, и здесь *зато* указывает на компенсацию: содержание второй части (благодарность прохожих) – компенсация за усилия, необходимые для того, чтобы быть хорошим работником» [9, с. 294]. О. Ю. Инькова-Манзотти указывает на то, что союз «*зато* может употребляться в том случае, если компоненты противопоставлены непосредственно друг другу и между ними нет взаимной зависимости» [2, с. 125]. Очевидно, что оба этих семантических замечания отображают то, как союз *зато* отрефлектирован языковым сознанием наших современников.

Между тем, в баснях И. А. Крылова то и дело встречается нерасторжимое единство противительной семантики компенсации и семантики причинного обоснования. Ср. в басне «Крестьянин и лисица»: «Наймись курятник мой от лис ты охранять: / Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать? / *Зато* ни в чем не будешь ты нуждаться / И станешь у меня как в масле сыр кататься» [3, с. 76]. Слово *зато* синкретизирует функцию противительного союза и семантику компенсации, с одной стороны, и функцию связочного предложно-местоименного сочетания и семантику причинного обоснования, с другой. Кстати говоря, пример из И. А. Крылова, вызвавший семантические сомнения у В. З. Санникова, приведен в Словаре современного русского литературного языка [11, с. 990] для иллюстрации причинно-следственной семантики союза *зато*, хотя у И. А. Крылова явно наблюдается синкретизм, причем не только семантический, но и формально-грамматический. Как ни удивительно, но для лингвистов, предложивших столь разные семантические интерпретации слова *зато* в этом примере, оно оказалось исключительно сочинительным союзом [9, с. 294; 11, с. 990].

В баснях И. А. Крылова подобный двойной синкретизм получает отражение в орфографических колебаниях, а именно – в различной орфографической «упаковке» (сливной/раздельной) слов, обладающих в равной мере как союзным (корневым), так и предложно-местоименным (сочетаемым) статусом. Ср.: «Что волки жадны, всякий знает: / Волк, евши, никогда / Костей не разбирает. / *Зато* на одного из них пришла беда: / Он костью чуть не подавился» («Волк и журавль») [3, с. 140-141] и «А угодить на Льва, конечно, не безделка. *За то* обещан ей (белке – К. С.) орехов целый воз» («Белка») [Там же, с. 183]. В отличие от польского языка, где противительный союз *za to* был нормализован в раздельном написании [6, с. 76] и где выявление синкретизма достигается не иначе, как посредством синонимических субституций, русский язык, проводящий четкую орфографическую дифференциацию союза *зато* и предложно-местоименного сочетания *за то*, позволяет выявлять такой синкретизм путем наблюдений над орфографической практикой прошлого. В данном случае орфография И. А. Крылова достоверно представляет ту эволюционно-семиотическую закономерность, согласно которой «форма живет дольше, чем ее концептуальное содержание» [10, с. 99].

Басни И. А. Крылова показывают, что в семантическом плане союз *зато* от причинного обоснования через стадию синкретизма перешел к противительности, в частности – к компенсации. По всей видимости, такой переход связан с переосмыслением причинно-следственных отношений через помещение предикаций в аксиологическую плоскость и развитие аксиолого-антонимических отношений между ними [1, с. 16]. В ходе сужения общепротивительной семантики союза *зато* до семантики компенсации аксиологическое равновесие, состоящее в тождестве оценочных коннотаций, нарушается, так как компенсаторные отношения предполагают «переклечение» оценки, а именно ее – мелиоративный поворот.

При отсутствии синкретизма союз *зато* может выступать в баснях И. А. Крылова как сопоставительно-противительный, синонимичный союзу *а*. Ср.: «Вот друга я люблю! – / Вскричал Демьян. – *Зато* уж чванных не терплю» («Демьянова уха») [3, с. 109]. В таких синтаксических контекстах обязательна аксиологическая одноплановость: с точки зрения Демьяна, оба его утверждения отмечены позитивной оценкой. Собственно семантика компенсации, заключающаяся в смене негативной оценки позитивной, вне синкретизма обычно подчеркивается у И. А. Крылова либо конструктивно необходимой антонимией: «Не знал он (*пастух* – К. С.) *пышности*, *зато* не знал и *горя*» («Пастух и море») [Там же, с. 145]; «В каком-то доме был

Скворец, / *Плохой певец; / Зато уж философ презнатный*) («Котенок и скворец») [Там же, с. 173], – либо созданием союзного комплекса с уступительным союзом и/или вводно-модальным словом: «И деньги есть?» – «Ну, нет, *хоть* лишних не бывает, / *Зато* нет лишних и затей» («Откупщик и сапожник») [Там же, с. 64]; «А я, *хоть*, правда, невысоко, / *Зато* лечу / Куда хочу» («Бумажный змей») [Там же, с. 92].

Становление противительной семантики союза *зато* приводит не только к сращению предложно-местоименного сочетания, но и к отрыву бывшего местоименного компонента от допустимой в причинно-следственном контексте вариантности дейктиков *то/это*. Недопустимость замены *то* на *это* показывает, что союз *зато* полностью оторвался от причинно-противительного синкретизма. Примечательно, что в позиции маркера связи между однородными членами предложения замена *то* на *это* совершенно исключена: по-видимому, в эту сферу сочинительной связи союз *зато* проник тогда, когда его статус противительного союза окончательно утвердился в генетически исходных для него синтаксических контекстах – полипредикативных и текстовых.

Басни И. А. Крылова были созданы в то время, когда противительный союз *зато* только вырабатывал свою формальную семантику компенсации, которая могла бы выражаться даже тогда, когда семантика синтаксического контекста оказывает ей сопротивление. Поэтому в крыловских баснях нет ни обратно-компенсаторного, ни ложно-компенсаторного употреблений союза *зато*, которые позже вошли в арсенал стилистического синтаксиса. Тем не менее, баснописец, несомненно, обращал свое стилистическое внимание на союз *зато* и нередко ставил на этом слове особый стилистический акцент. Например, И. А. Крылов помещает противительный союз *зато* в имитации умозаключений разговорной речи, в том числе в конструкции вторичной связи, как в примере из басни «Бумажный змей». Кроме того, в баснях И. А. Крылова противительный союз *зато* выполняет композиционно-семантическую функцию в диалоге, намечая конфликт между репликой персонажа и моралью, высказываемой автором («Музыканты»), или между репликами персонажей («Пруд и река»).

Так, в басне «Музыканты» хозяин, поясняя гостю, почему пригласил именно этих певчих, говорит: «Они немножечко дерут; / *Зато* уж в рот хмельного не берут». Мораль, с которой, вполне вероятно, согласился бы и гость, такова: «А я скажу: по мне уж лучше пей, / *Да* дело разумеи» [Там же, с. 17]. Противительно-возместительная семантика союзов *зато* и *да* вводит две различные субъектно-оценочные перспективы. По мнению персонажа, трезвый образ жизни певчих компенсирует их непрофессионализм. По мнению автора, даже пьянство компенсируется профессионализмом. Примечательно, что у И. А. Крылова имеется дистантный семантический повтор компенсаторных союзов, но не встречается их контактных соединений (типа *да зато*). По-видимому, отсюда следует, что союз *зато* с семантикой компенсации возник раньше, чем такие союзные двучлены с семантикой подчеркнутой компенсации, и что в их составе союз *зато*, не теряющий способности к функционально автономному использованию, не превращается в частицу.

Слово *зато* в баснях И. А. Крылова – это противительно-возместительный союз в становлении: в употреблении слова *зато* нашли отражение грамматические, семантические и стилистические тенденции, связанные с «вызреванием» специального маркера компенсации.

Список источников

1. Ван Лиган. Синтаксические построения со словом «зато» и вопрос о его значении: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иваново, 1994. 20 с.
2. Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование). М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. 434 с.
3. Крылов И. А. Басни. М.: Художественная литература, 2008. 320 с.
4. Лассан Э. Союз «зато» как средство реализации психологической компенсации в русском языке // *Respectus philologicus*. 2011. № 20. С. 170-180.
5. Лемонте П.-Э. Из «Предисловия» к изданию басен Крылова на французском и итальянском языках // Крылов И. А. Басни. М.: Художественная литература, 2008. С. 243-246.
6. Милованова М. С. Описание сочинительных союзов в контексте изучения РКИ // *Русский язык за рубежом*. 2016. № 3. С. 74-77.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.02.2017).
8. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 500 с.
9. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс; Универс, 1993. 656 с.
11. Словарь современного русского литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. IV. 1364 с.
12. Словарь структурных слов русского языка / отв. ред. В. В. Морковкин. М.: Лазурь, 1997. 420 с.

ON SEMANTIC-STYLISTIC ORIGINS OF THE ADVERSATIVE CONJUNCTION “BUT”

Sigal Kirill Yakovlevich, Doctor in Philology
 Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow
 kjseagal@yandex.ru

The article deals with the semantic-stylistic properties of the Russian adversative conjunction “but” in their retrospection. By the material of Ivan Krylov’s fables the usage of this conjunction in the first third of the 19th century is shown, in particular, formal-grammatical and semantic syncretism, typical of its use, representing the process of the formation of the conjunction “but” is discovered.

Key words and phrases: adversative conjunction; semantics of reimbursement (or compensation); syncretism; orthography; stylistic syntax; I. A. Krylov’s fables.